

КАРМЕН ЛУНА

DISCERE
MAGIA
MUTAT
OMNIA

ВЕДЬМА- НЕУДАЧНИЦА

или попаданка
для подлеца некроманта

Кармен Луна Ведьма-неудачница, или попаданка для подлеца некроманта

<https://litres.ru/74437957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ирина Васильева — стерва, которая обожает унижать толстых одноклассниц. Меньше жри! — ее любимая фраза.

Пока бабушка одной из жертв не произносит проклятие.

Теперь Ирина — Анабель Лунариус, студентка Академии Темных Искусств. 120 кило веса, бракованная магия и прозвище Толстопопкина.

Ах да, еще говорящий кот-садист, который считает каждую калорию.

Но главная проблема — она влюбилась в самого красивого мага академии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ведьма-неудачница, или попаданка для подлеца некроманта

Глава 1

Меня зовут Ирина Васильева, и я — божество в человеческом обличье. Ну, по крайней мере, так считают все парни на факультете журналистики, да и я сама не против подобного мнения. Когда природа создавала меня, она явно была в особо щедром настроении: длинные платиновые волосы, которые переливаются на солнце как шелк, глаза цвета морской волны, точеная фигурка с идеальными пропорциями. Я — живое воплощение мечты любого мужчины и кошмара любой женщины.

И знаете что? Мне это нравится.

Каждое утро я просыпаюсь с улыбкой победительницы, потому что знаю: сегодня я снова буду лучше всех. Лучше тех серых мышек, которые пытаются скрыть свою посредственность за толстым слоем тонального крема. Лучше тех, кто считает каждую калорию и все равно выглядит как мешок с картошкой. Лучше всех этих жалких попыток природы создать что-то красивое.

Особенно лучше Лены Коротковой.

Боже, ну что это за недоразумение такое? Лена — это как если бы кто-то попытался слепить женщину из теста для пирожков, но забыл вовремя остановиться. Она не толстая — она грандиозная. Не пышная — она монументальная. Когда Лена садится на стул, я всегда внутренне готовлюсь к звуку ломающегося дерева, как в тех комедийных фильмах.

И вот сегодня утром, сидя в университетском кафе за своим обычным столиком у окна (разумеется, самое видное место — красота должна быть на виду), я наблюдаю очередное представление под названием "Лена пытается поесть незаметно".

Боже мой, это же целый спектакль! Она сидит в углу, как какой-то печальный бегемот, и делает вид, что ест салат. САЛАТ, Карл! Но я же вижу, как она украдкой жует что-то еще. Явно не морковь.

— Девочки, смотрите, — шепчу я своей свите, не отрывая взгляда от этого представления. — Наша Лена опять изображает из себя веганку.

Мои подружки — Вика и Настя — мгновенно поворачиваются в сторону несчастной жертвы. Они как два милых хищника, которые почуяли слабую антилопу. Впрочем, в случае с Леной больше подходит сравнение со слабым слоном.

— Ири, ты серьезно? — хихикает Вика, прикрывая рот рукой. — Она там что-то прячет!

И действительно, Лена судорожно пытается засунуть что-то в сумку. Но я же не слепая! Это же кусок торта размером с небольшую подушку!

— Ну все, я не могу больше молчать, — заявляю я, вставая с места с грацией балерины. — Это же издевательство над здравым смыслом!

Я направляюсь к столику Лены, и мои каблуки цокают по плитке как отбивание барабанной дроби перед казнью. Все в кафе оборачиваются — еще бы, когда богиня идет вершить правосудие, это всегда зрелище.

— Леночка, — говорю я сладким голосом, присаживаясь на краешек стула напротив нее. — Как дела? Диета помогает?

Лена поднимает на меня глаза, полные такой тоски, что хочется дать ей бесплатный абонемент в спортзал. Или в клинику пластической хирургии. Или лучше в оба места сразу.

— Ира, привет, — бормочет она, пытаясь прикрыть сумку рукой. — Все нормально, спасибо.

— А что это у тебя там? — с невинным видом интересуюсь я, кивая на ее сумку. — Не еще ли один "полезный" перекус?

Воцаряется такая тишина, что слышно, как муха пролетела. Вся столовая замерла в ожидании представления. А я, как настоящая артистка, не могу подвести публику.

— Лена, милая, — продолжаю я, и мой голос становится

еще слаще, как сироп на блинчиках. — Ты же понимаешь, что салатик не поможет, если заедать его тортиком? Это как пытаться потушить пожар бензином.

Лена краснеет так, что становится похожа на переспелый помидор. Крупный переспелый помидор.

— Я... это не... — начинает она мямлить, но я ее перебиваю жестом руки.

— Не оправдывайся, дорогая. Мы все понимаем — это тяжело. Но знаешь, что я тебе скажу? — я наклоняюсь к ней, как заботливая подруга, готовая поделиться сокровенным секретом. — Может, стоит просто меньше жрать?

Эффект превосходит все ожидания. Лена вздрагивает, как от удара током, и ее глаза наполняются слезами. Вокруг раздается сдержанное хихиканье — моя публика довольна.

— Понимаешь, — продолжаю я, входя во вкус, — когда ты сидишь за столом, создается впечатление, что стул просто молит о пощаде. Он буквально скрипит от отчаяния, как старая кровать в дешевом мотеле.

Настя и Вика уже открыто смеются, прикрывая рты руками. Несколько парней за соседним столиком ухмыляются. Я чувствую себя королевой бала, танцующей под восхищенные взгляды подданных.

— А еще, — добавляю я, вдохновляясь реакцией публики, — тебе стоило бы подумать о карьере. В цирке всегда нужны... как их там... силачи. Хотя нет, силачи поднимают тяжести, а не являются ими.

Последняя капля. Лена всхлипывает, хватая свою сумку и пытается встать. Но даже этот простой процесс превращается в целое представление — она неловко поднимается, задевает стол, ее сумка падает, и оттуда на пол с предательским стуком вываливается злополучный кусок торта.

Торт размером с кирпич. Шоколадный, с кремом, явно калорийный как небольшая атомная бомба.

Воцаряется мертвая тишина. Потом раздается взрыв смеха.

— Ну вот видишь, — говорю я, указывая на торт, как прокурор на вещественное доказательство. — И ты еще удивляешься, почему диета не работает. Это же не диета, а самообман в особо крупных размерах.

Лена рыдает уже в полный голос, пытаясь собрать крошки торта с пола. Зрелище одновременно жалкое и смешное — как слон, пытающийся поймать мышку.

— Может, хватит? — вдруг раздается мужской голос.

Я оборачиваюсь и вижу Димку Петрова из параллельной группы. Такой правильный мальчик, который вечно всех жалует и пытается спасти. Белый рыцарь в джинсах и толстовке.

— А ты что, Дима? — с ледяной улыбкой спрашиваю я. — Тоже сидишь на диете солидарности?

— Я просто думаю, что каждый имеет право есть что хочет, — говорит он, помогая Лене подняться.

— Конечно имеет, — соглашаюсь я, вставая во весь рост. — Но тогда не надо жаловаться на последствия. Хочешь

жрать торты — получай соответствующую фигуру. Хочешь выглядеть как человек — работай над собой. Простая арифметика.

Лена, все еще всхлипывая, пытается пройти мимо. Но я не могу упустить возможность для финального аккорда.

— Лена, подожди, — говорю я, как будто меня осенила гениальная мысль. — А ты знаешь, что в спортзале есть специальные тренажеры для... э-э-э... для людей твоих габаритов? Они их из танков делают.

Лена буквально выбегает из кафе, а за ней, как верный пес, трусит Димка со своим осуждающим взглядом.

— Ира, ты жестокая, — смеется Настя, но в ее голосе слышится восхищение.

— Я честная, — поправляю я, возвращаясь к своему столу. — Если все будут врать людям, что они прекрасны такие, какие есть, мир превратится в зоопарк. А я за естественный отбор.

Остаток дня проходит в радужном настроении. Я получила свою дозу превосходства, все получили свою дозу развлечений. Лена, наверное, получила свою дозу реальности. Все довольны.

Вечером, лежа в своей кровати в шелковой пижаме, я думаю о прошедшем дне и улыбаюсь. Завтра будет новый день, новые возможности блистать, новые поводы напомнить окружающим, кто здесь настоящая звезда.

Я засыпаю с мыслью о том, что жизнь прекрасна, когда ты

прекрасна. А когда ты не прекрасна... ну что ж, это уже не мои проблемы.

Если бы я знала, что завтра проснусь в совершенно другом теле, в совершенно другом мире, где красота измеряется не сантиметрами талии, а размером души... Впрочем, тогда бы я, наверное, не смогла заснуть от смеха. Потому что размер души — это же такая ерунда, правда? Это же не то, что можно увидеть в зеркале или измерить сантиметром.

Но об этом я узнаю завтра. А пока я просто счастливая, красивая, жестокая Ирина Васильева, которая считает, что мир создан для того, чтобы ею восхищаться.

И знаете что? Мне так кажется, что я была права. По крайней мере, до того момента, как карма решила показать мне, что у нее тоже есть чувство юмора. Довольно извращенное чувство юмора.

Но это уже совсем другая история.

Глава 2

После вчерашнего триумфа в кафе я просыпаюсь в потрясающем настроении. Солнце светит специально для меня, птички поют мне серенады, а мое отражение в зеркале выглядит как реклама дорогого крема для лица. Я — живое доказательство того, что боги все-таки существуют и иногда создают шедевры.

Сегодня у нас лекция по психологии массовых коммуникаций — одна из моих любимых. Не потому, что предмет интересный, а потому, что профессор Кротов — старый козел, который откровенно пялится на мою грудь, когда я задаю вопросы. Мужчины так предсказуемы! Дай им возможность поглазеть на красивую женщину, и они готовы поставить любую оценку.

Вхожу в аудиторию как королева на бал. Мои каблуки отстукивают ритм власти по линолеуму, волосы развеваются как в рекламе шампуня, а улыбка — как у Моны Лизы, только гораздо красивее. Все головы поворачиваются в мою сторону, как подсолнухи к солнцу.

Занимаю свое обычное место в первом ряду — королева должна быть на виду. Вика и Настя садятся рядом, как верные придворные дамы.

— Ира, а Лена сегодня не пришла, — шепчет Настя, оглядывая аудиторию.

Я тоже обращаюсь. Действительно, привычного силуэта слона в углу не наблюдается. Место, где обычно располагается наша местная достопримечательность, пустует.

— Наверное, стыдно показаться после вчерашнего, — усмехаюсь я. — Или застряла в дверях общежития. С ее габаритами всякое может быть.

Девочки хихикают, а я чувствую приятное тепло в груди. Вот это называется — оставить след в человеческой душе. Правда, след получился как от гусеничного трактора, но какая разница?

Кротов начинает свою лекцию про влияние СМИ на общественное сознание, и я включаю режим "внимательной студентки". То есть изображаю заинтересованность, периодически кивая и делая умное лицо, а сама думаю о своих планах на выходные.

И тут в аудиторию входит... это.

Маленькая, сморщенная, как печеное яблоко, старушка в темном платке и старомодном пальто. Она выглядит так, словно сбежала из музея народного быта или с картины Репина. Типичная деревенская бабка, которая до сих пор доит коров и верит в домовых.

— Извините, — говорит старушка профессору голосом, который звучит как скрип старых половиц. — Можно мне забрать внуку? Семейные обстоятельства.

Кротов смотрит на нее с недоумением, а я с интересом. Чья же это бабуля? Неужели у кого-то из наших есть такие

колоритные родственники?

— А как зовут вашу внучку? — спрашивает профессор.

— Елена Короткова, — отвечает старушка, и ее черные глазки-бусинки начинают сканировать аудиторию.

А-а-а, так это бабушка нашей Лены! Ну конечно, генетика никого не обманешь. Видимо, склонность к избыточному весу передается по наследству вместе с отсутствием вкуса в одежде.

— Елены сегодня нет, — сообщает Кротов. — Возможно, она заболела.

— Заболела? — старушка качает головой. — Нет, она не заболела. Она просто не смогла сегодня прийти. После вчерашнего.

И тут ее взгляд останавливается на мне. Секунду она смотрит молча, и я чувствую странное неудобство. Глаза у старухи какие-то... неправильные. Слишком молодые для ее лица, слишком проницательные, слишком знающие.

— Это вы вчера так развлекались с моей внучкой? — спрашивает она, и в ее голосе появляются стальные нотки.

Вся аудитория поворачивается ко мне. Я чувствую себя главной актрисой в спектакле, только пьеса какая-то не та.

— Извините, но я не понимаю, о чем вы говорите, — отвечаю я с невинной улыбкой. — Мы просто общались с Леной. Дружески.

— Дружески? — старушка делает несколько шагов в мою сторону, и почему-то кажется, что температура в аудитории

упала на несколько градусов. — Интересное у вас понимание дружбы.

— Бабушка, может, не стоит... — начинает Кротов, но старуха его игнорирует.

Она подходит ближе, и я впервые в жизни чувствую что-то похожее на тревогу. Не страх — я же не боюсь каких-то деревенских бабок! — но что-то определенно не то.

— Знаете, девочка, — говорит старушка, останавливаясь прямо передо мной, — я прожила долгую жизнь. Видела много людей. Красивых и некрасивых. Добрых и злых. И знаете, что я поняла?

Я молчу, потому что не знаю, что ответить. Обычно я всегда знаю, что сказать, но сейчас слова куда-то испарились.

— Красота — это не то, что снаружи, — продолжает она, и ее глаза буравят меня насквозь, как рентген. — Красота — это то, что внутри. А внутри у вас, милочка, пустота. Красивая упаковка, а содержимое протухло.

В аудитории воцаряется мертвая тишина. Даже Кротов перестал шуршать бумагами.

— Простите, но я не позволю какой-то... — начинаю я, но старуха поднимает руку, и я неожиданно замолкаю.

— Вы думаете, что имеете право судить других по внешности? — спрашивает она, и в ее голосе появляется что-то гипнотическое. — Думаете, что ваша красота дает вам привилегии? Что можно унижать тех, кто не соответствует вашим стандартам?

— Я просто сказала правду, — пытаюсь оправдаться я, но голос звучит не так уверенно, как хотелось бы. — Если людям не нравится правда, это их проблемы.

— Правда? — старушка усмехается, и эта усмешка похожа на лезвие ножа. — А правда в том, что вы — эгоистичная, жестокая девчонка, которая получает удовольствие от чужой боли. Правда в том, что под вашей красивой мордочкой сидит настоящее чудовище.

Теперь я уже начинаю злиться. Кто она такая, чтобы так со мной разговаривать? Какая-то деревенская старуха, которая выглядит как пугало!

— Послушайте, бабушка, — говорю я, поднимаясь с места. — Не знаю, что вам наговорила ваша внучка, но я не собираюсь выслушивать нотации от... от...

— От кого? — спрашивает она, и ее глаза сверкают как угли. — От старой карги? От никчемной старухи? Договаривайте, не стесняйтесь.

Я понимаю, что попала в ловушку. Что бы я ни сказала, будет звучать как подтверждение ее слов.

— Знаете что, милочка, — говорит старушка, и вдруг ее голос становится странно мелодичным, как заклинание. — Я желаю вам понять, что такое быть на другой стороне. Чтобы узнать, о чем говорите, нужно походить в шкуре того, над кем смеетесь.

— Что? — не понимаю я.

— Пусть ваша красота станет вашим проклятием, — про-

должает она, и воздух вокруг нее начинает как будто мерцать. — Пусть вы узнаете, каково это — быть объектом насмешек. Пусть почувствуете на себе ту боль, которую причиняете другим.

Я смеюсь. Не могу удержаться. Это же абсурд! Какая-то полоумная старуха строит из себя колдунью!

— Серьезно? — хохочу я, и смех звучит почти истерично. — Вы что, собираетесь меня заколдовать? Превратить в жабу? Может, еще и на метле прилетели?

Но старушка не смеется. Она смотрит на меня с такой жалостью, что становится не по себе.

— Смейтесь, смейтесь, — кивает она. — Завтра посмотрим, будет ли вам так же весело.

— Ну да, конечно! — продолжаю я ржать, хотя внутри что-то неприятно холодеет. — А что, если не сработает? Вернете деньги за билет на спектакль?

— Сработает, — тихо говорит старушка. — Обязательно сработает. Потому что справедливость — это единственная магия, которая всегда работает.

Она поворачивается к выходу, но на пороге останавливается.

— И помните, девочка, — говорит она, не оборачиваясь. — Чтобы разрушить проклятие, нужно научиться любить. По-настоящему любить. Не себя, а кого-то другого. Больше собственной жизни.

И она уходит, оставляя за собой странный запах старых

книг и засушенных трав.

Несколько секунд в аудитории стоит тишина, потом раздается нервный смех.

— Ну и театр, — говорит кто-то из задних рядов.

— Видать, из психушки сбежала, — добавляет другой голос.

Я тоже смеюсь, громче всех, но смех получается какой-то деревянный. Внутри сидит странное ощущение, как будто я съела что-то несвежее.

— Ира, ты в порядке? — спрашивает Настя. — Ты какая-то бледная.

— Да все отлично, — отвечаю я, хотя чувствую озноб. — Просто устала от цирка. Где этих старых клуш только находят...

Остаток лекции проходит как в тумане. Я пытаюсь сосредоточиться на словах Кротова, но в голове крутятся слова старухи: "Чтобы узнать, о чем говорите, нужно походить в шкуре того, над кем смеетесь".

Бред какой-то. Средневековое мракобесие. В XXI веке верить в колдовство — это же смешно!

Но почему тогда мне так холодно? Почему руки дрожат, когда я записываю конспект? Почему чувствую себя так, словно за мной наблюдает невидимый взгляд?

После лекции иду в туалет и смотрю на себя в зеркало. Все как обычно — идеальное лицо, безупречный макияж, роскошные волосы. Никаких изменений. Никакой магии.

— Дура старая, — говорю я своему отражению. — Напугать меня решила. Да я таких бабок на смех подниму!

Но вечером, лежа в постели, я долго не могу заснуть. В голове крутятся странные мысли, а в груди сидит непонятная тревога.

"Пусть ваша красота станет вашим проклятием..."

Какая чушь! Красота не может быть проклятием. Красота — это дар, благословение, билет в лучшую жизнь. Я не собираюсь из-за какой-то полоумной старухи портить себе сон.

Я закрываю глаза и пытаюсь думать о приятном. О завтрашнем дне, о новых возможностях блистать, о том, как я буду рассказывать девочкам про сегодняшний цирк с бабушкой-колдуньей.

Сон приходит медленно, тяжело, как густой туман. И снятся мне странные сны — огромные зеркала, которые показывают не то отражение, древние книги с непонятными символами, и черные глаза старухи, которые смотрят прямо в душу.

А где-то на краю сознания звучит ее голос: "Завтра посмотрим, будет ли вам так же весело..."

Но это же просто сон. Бред. Фантазии подсознания. Правда?

Глава 3

Первое, что я понимаю, просыпаясь, — кровать скрипит. Не просто поскрипывает, как моя изящная кроватка с ортопедическим матрасом, а буквально воет от боли, как пытаемый под дыбой. Звук такой, словно вся мебель в комнате одновременно подала заявление об увольнении.

Второе — простыни какие-то не те. Вместо моего нежного египетского хлопка под руками что-то грубое, как мешковина. Или как совесть политика перед выборами.

Третье — и самое пугающее — тело... тело какое-то неправильное.

Я пытаюсь потянуться, как делаю каждое утро — это же ритуал, священная традиция пробуждения богини! — но руки... Господи боже мой, что это за руки?! Они тяжелые, как две дубинки, и явно не мои. Мои руки изящные, как у пианистки, а эти... эти больше похожи на ветчину в человеческой упаковке.

— Что за черт... — начинаю я говорить и замираю. Голос! Это не мой голос! Мой голос как мелодичный ручеек, как песня соловья на рассвете, а это... это как будто кто-то засунул в рот вату и заставил говорить через нос.

Паника начинается с пальцев ног. Нет, не начинается — она взрывается, как граната в мирной деревне. Я сажусь на

кровати, и кровать издает такой жалобный стон, что хочется вызвать скорую помощь для мебели.

И тут я вижу... себя.

Только это не я. Это какая-то пародия на меня, карикатура, неудачная попытка природы создать человека по моему образцу, но с использованием некачественных материалов.

Руки толстые. Не пухленькие, не "с формами" — толстые, как у грузчика, который всю жизнь таскал пианино по лестницам. Живот... о боже, живот! Он выпирает вперед, как беременность на седьмом месяце, только без всякой романтики материнства.

— Это сон, — шепчу я, хотя голос по-прежнему не мой.
— Это просто кошмар. Сейчас я проснусь, и все будет нормально.

Но тут до меня доходит, что комната тоже не моя. Вместо моей светлой спальни с французскими окнами и дизайнерской мебелью меня окружает... средневековье. Каменные стены, грубая деревянная мебель, свечи в подсвечниках. Как будто я попала в музей, посвященный жизни людей до изобретения электричества и здравого смысла.

— Проснулась наконец, Анабель?

Я подпрыгиваю так резко, что кровать окончательно сдается и издает предсмертный хрип.

На подоконнике сидит кот. Огромный, черный, с янтарными глазами и выражением морды, которое можно описать только как "высокомерное презрение". Он смотрит на меня

так, как я обычно смотрю на людей в дешевой одежде.

— Ты... ты говоришь? — заикаюсь я.

— Еще как говорю, — отвечает кот голосом, полным сарказма. — И между прочим, ты только что потратила двенадцать калорий на то, чтобы сесть на кровати. Для тебя это неплохое утреннее упражнение.

— КАЛОРИЙ?! — вопю я, и голос звучит как сирена пожарной машины. — Какие еще калории?! И вообще, кто ты такой?!

Кот облизывается с видом гурмана, который только что попробовал изысканное блюдо.

— Меня зовут Корнелиус, я твой фамилльяр. А ты — Анабель Лунариус, хотя все в академии зовут тебя Толстопопкина. Надо сказать, прозвище очень точное.

— Толстопопкина?! — Я вскакиваю с кровати, и пол под ногами ощутимо прогибается. — Какая еще Толстопопкина?! Меня зовут Ирина Васильева, и я...

— И ты вешишь ровно девяносто пять килограммов, — невозмутимо перебивает меня Корнелиус. — Что, кстати, на три килограмма больше, чем на прошлой неделе. Видимо, сказались те пирожки с капустой.

Я бегу к зеркалу, висящему на стене, и... О. Господи. Боже. Всевышний. Если ты существуешь, то у тебя очень странное чувство юмора.

На меня смотрит девушка с моим лицом. Но это лицо... оно как будто надутو насосом. Щеки круглые, как булочки,

подбородок двойной, а то и тройной. И тело... Это не тело, это катастрофа геологического масштаба. Я выгляжу как гора, которая решила поиграть в человека.

— Это невозможно, — шепчу я, касаясь зеркала дрожащими пальцами. — Это просто невозможно.

— Вполне возможно, — комментирует Корнелиус. — И кстати, ты только что потратила еще восемь калорий на шок и пятнадцать на дрожь. Неплохо для начала дня.

— **ХВАТИТ СЧИТАТЬ КАЛОРИИ!** — ору я, и где-то в соседней комнате что-то падает.

— Это моя работа, — невозмутимо отвечает кот. — Я фамилльяр диетолога. Правда, ты самый безнадежный случай в моей карьере. Я уже подумываю о смене профессии.

Я опускаюсь на стул, и он скрипит так жалобно, что хочется извиниться перед ним лично.

— Объясни мне, что происходит, — говорю я, стараясь не срываться на крик. — Где я? Что со мной случилось? И почему ты выглядишь как кот из рекламы корма, а говоришь как мой бывший психотерапевт?

— Ты в Академии Темных Искусств, — объясняет Корнелиус, умываясь лапой. — Самое престижное учебное заведение для будущих ведьм и колдунов. Правда, в твоем случае слово "будущих" носит скорее теоретический характер.

— Ведьм? — У меня начинается истерика. — Каких еще ведьм? Это же XXI век! Люди летают в космос, а не на метлах!

— Во-первых, мы не летаем на метлах, это стереотип, — поправляет меня кот. — Во-вторых, ты больше не в своем мире. Добро пожаловать в реальность, где магия существует, а ты — ее самый яркий противоположный пример.

— Мой мир? — Голос становится писклявым. — Что значит не в моем мире?

— Значит то, что значит. Твоя душа попала сюда, в тело Анабель Лунариус, самой бракованной ведьмы в истории академии. Поздравляю, ты выиграла в лотерею неудачников.

Я пытаюсь переварить эту информацию, но мозг отказывается работать. Это как пытаться запустить спортивную машину на дизельном топливе.

— А где... где настоящая Анабель? — спрашиваю я.

— Понятия не имею, — пожимает плечами кот. — Может, растворилась в небытии, может, сидит в твоем теле и пытается понять, как жить с мозгами размером с грецкий орех.

— Эй! — возмущаюсь я.

— Что "эй"? Ты думаешь, я не видел, как ты вчера пыталась зажечь свечу? Ты чуть не спалила всю спальню! А позавчера пыталась заколдовать зеркало, чтобы оно показывало тебя стройнее. Теперь все зеркала в академии показывают людей в виде жирафов.

— Я не умею колдовать! — кричу я. — Я даже не верила в магию до пяти минут назад!

— Вот именно, — кивает Корнелиус. — Поэтому ты и бракованная. Магия требует веры, а ты... ты как атеист в

церкви во время венчания.

Я встаю и начинаю ходить по комнате. Точнее, пытаюсь ходить, но получается скорее переваливание, как у пингвина после обильного ужина.

— Как мне вернуться обратно? — спрашиваю я. — Должен же быть способ!

— Не знаю, — честно отвечает кот. — Я специалист по калориям, а не по межмирным перемещениям. Но могу сказать точно — пока ты ходишь, тратишь примерно сто двадцать калорий в час.

— ХВАТИТ ПРО КАЛОРИИ! — взрываюсь я.

— Хорошо, — соглашается Корнелиус. — Тогда поговорим о твоём расписании. Через час завтрак в Большом зале, потом урок базовой магии, где ты традиционно устроишь какую-нибудь катастрофу, затем алхимия, где ты взорвешь котел, и, наконец, история магии, где ты заснешь и будешь храпеть как паровоз.

— Я не храплю! — возмущаюсь я.

— Храпишь. Как бульдозер с заглушим двигателем. Соседи по коридору уже жаловались.

Я хватаюсь за голову, и волосы под руками кажутся какими-то жесткими, не такими шелковистыми, как мои. Впрочем, теперь это не мои волосы. Ничего не мое. Даже отражение в зеркале принадлежит не мне.

— Слушай, — говорю я коту, — а нельзя как-то... похудеть? Магией, например?

Корнелиус смеется. Да-да, кот смеется! Звучит это как по-месь мурчания с гиеной.

— Ты пыталась, — говорит он, отсмеявшись. — Помнишь заклинание стройности три недели назад? Ты случайно превратила половину столовой в манекены для шитья. Люди неделю выглядели как деревянные куклы.

— Но должен же быть способ! — настаиваю я. — Диета, спорт, что угодно!

— Диета? — Кот смотрит на меня с жалостью. — Милочка, ты в магическом теле. Оно такое, какое есть, и никакие диеты его не изменяют. Это не жир, это... конституция.

— Конституция?! — У меня начинается приступ паники. — Ты хочешь сказать, что я навсегда останусь... такой?

— Пока не научишься магии, — кивает Корнелиус. — А учитывая твои способности, это произойдет примерно в районе следующего ледникового периода.

Я падаю обратно на кровать, и она издает звук, как будто ее только что переехал танк.

— Это кошмар, — шепчу я. — Это просто кошмар.

— Это реальность, — поправляет меня кот. — И кстати, скоро завтрак. Тебе нужно идти в столовую, где все будут смотреть на тебя и шептаться за спиной. Примерно как ты делала с другими в прошлой жизни.

— Что ты имеешь в виду? — настораживаюсь я.

— А то, что карма — штука забавная, — философски замечает Корнелиус. — Иногда она возвращается с процента-

ми.

Внезапно в голове всплывает образ старой бабушки с про-
ницательными глазами: "Чтобы узнать, о чем говорите, нуж-
но походить в шкуре того, над кем смеетесь."

— Это она, — шепчу я. — Это все она сделала.

— Кто "она"? — интересуется кот.

— Бабушка Лены. Вчера она пришла в университет и... и
что-то говорила про проклятие.

— А-а-а, — протягивает Корнелиус. — Ну тогда все ясно.
Видимо, попала к настоящей ведьме. Они не любят, когда
обижают их внучек.

— Но это же несправедливо! — возмущаюсь я. — Я же
не знала, что она настоящая ведьма!

— А если бы знала? — спрашивает кот с интересом. —
Стала бы вести себя по-другому?

Я открываю рот, чтобы сказать "конечно", но понимаю,
что это будет ложь. Если бы я знала, что старуха может за-
колдовать, я бы просто держала язык за зубами. Не из доб-
роты, а из самосохранения.

— Вот видишь, — кивает Корнелиус, как будто читает
мои мысли. — Поэтому ты здесь. Чтобы научиться быть че-
ловеком, а не красивой оболочкой.

— Я и так человек! — протестую я.

— Нет, — качает головой кот. — Ты была куклой. Краси-
вой, но пустой. А теперь у тебя есть шанс стать настоящей.

— В теле толстухи? — горько усмехаюсь я.

— А что, толстые люди не могут быть настоящими? — поднимает бровь кот. — Интересная точка зрения.

Я понимаю, что он прав, и от этого становится еще хуже. Все мои убеждения, вся моя система ценностей рушится, как картонный домик под дождем.

— Ладно, — вздыхаю я. — Что мне теперь делать?

— Для начала — одеваться, — говорит Корнелиус. — Через полчаса завтрак, а потом твой первый день в качестве Анабель Лунариус по прозвищу Толстопопкина.

— Прекрасно, — бормочу я, вставая с кровати. — Просто прекрасно.

— И кстати, — добавляет кот, — постарайся сегодня никого не убить своей магией. В прошлый раз ты чуть не превратила профессора Мрачнуса в пепельницу.

— Я постараюсь, — обещаю я, не представляя, как это сделать.

Час назад я была самой красивой девушкой на факультете. Теперь я толстая ведьма-неудачница в мире, где существует магия.

Карма, оказывается, действительно имеет чувство юмора. Очень извращенное чувство юмора.

Глава 4

Если бы кто-то сказал мне вчера, что я буду ковылять по коридорам волшебной школы в теле, которое больше напоминает передвижной склад излишков, я бы рассмеялась ему в лицо. А сегодня я — живое воплощение кармической справедливости в размере XXL, пытающаяся не задеть стены своими... эм... габаритами.

Коридоры Академии Темных Искусств выглядят так, словно их проектировал архитектор, который черпал вдохновение из фильмов ужасов и собственных кошмаров. Высокие своды, каменные стены, покрытые странными символами, факелы в кованых подсвечниках. В общем, классический антураж для места, где учат превращать людей в жаб и варить зелья из глаз тритонов.

— Плюс сорок калорий за подъем по лестнице, — комментирует Корнелиус, сидящий у меня на плече как черный пернатый дьявол. — Правда, учитывая твою скорость, я бы скорее назвал это медитативным восхождением.

— Заткнись, — шиплю я, хватаясь за перила. — Ты попробуй таскать такую... такую...

— Тушу? — любезно подсказывает кот.

— Массу! — поправляю я с достоинством.

Первое, что бросается в глаза, когда я вхожу в Большой зал на завтрак, — все смотрят. Все. Как будто я марсианин,

который приземлился на их планету и забыл надеть человеческий костюм. Сотни глаз уставились на меня с выражением, которое варьируется от жалости до плохо скрываемого веселья.

— О, смотрите, Толстопопкина проснулась, — раздается громкий шепот с одного из столов.

— Интересно, что она сегодня взорвет? — добавляет другой голос.

— Может, саму себя? — и раздается дружный смешок.

Я чувствую, как щеки горят от стыда, и впервые в жизни понимаю, что значит быть объектом насмешек. Раньше я была той, кто смеялся, а не той, над кем смеются. Это как оказаться по другую сторону сцены в театре — вдруг понимаешь, что декорации картонные, а актеры отвратительно играют.

— Не обращай внимания, — шепчет Корнелиус. — Они просто завидуют твоей... э-м... харизме.

— Какой харизме? — прошу уточнить я, направляясь к столу в углу зала.

— Ну, не каждый может привлечь к себе столько внимания, просто войдя в комнату, — философски замечает кот.

Завтрак в Академии — это отдельное испытание. Еда появляется на столах сама по себе, материализуясь из воздуха в облачках золотистого дыма. Выглядит эффектно, пахнет божественно, но каждый кусок для меня теперь — это поле битвы между здравым смыслом и отчаянием.

— Овсянка, — говорю я, глядя на тарелку с кашей. — Можно овсянку?

— Двести десять калорий на порцию, — моментально сообщает Корнелиус. — Плюс сто двадцать, если добавишь мед, и еще восемьдесят за изюм.

— А что, если я буду есть без всего? — спрашиваю я с надеждой.

— Тогда ты будешь выглядеть как самый грустный человек в зале, — отвечает кот. — Что, кстати, недалеко от истины.

Я беру ложку — и даже она кажется неподходящей для моих пухлых пальцев — и пытаюсь есть незаметно. Но когда ты размером с небольшой автобус, незаметность — это примерно как попытка спрятать слона за фикусом.

— Анабель! — раздается голос за моей спиной.

Я оборачиваюсь и вижу девушку с выющимися рыжими волосами и веснушками на носу. Она выглядит дружелюбно, но в ее глазах читается та особая жалость, которую люди испытывают к бездомным щенкам и неудачникам.

— Привет, Милли, — отвечаю я, удивляясь тому, что каким-то образом знаю ее имя. Видимо, память Анабель осталась вместе с телом.

— Как дела? — спрашивает Милли, садясь рядом. — Ты вчера пропустила ужин. Мы волновались.

"Мы" — это еще двое студентов, которые подсаживаются к нашему столу. Парень с длинными черными волосами и де-

вушка в очках, толстых как донышки бутылок. Они выглядят как официальный комитет по опеке над местными неудачниками.

— Познакомься, — говорит Милли, — это Себастьян и Эвелин. Мы... э-м... мы своего рода клуб.

— Клуб чего? — интересуюсь я.

— Тех, кого не приглашают на вечеринки, — честно отвечает Себастьян. — Неформальное объединение изгоев и чудаков.

— Плюс пятьдесят калорий за нервное напряжение, — шепчет Корнелиус мне на ухо.

Я понимаю, что попала в ту самую группу, над которой я бы смеялась в прошлой жизни. Теперь я сама часть этого печального собрания людей, которых природа обделила красотой, популярностью или хотя бы базовыми социальными навыками.

— А что за клуб там? — спрашиваю я, кивая на центральный стол, где сидят самые красивые и популярные студенты академии.

— О, это элита, — объясняет Эвелин, поправляя очки. — Дети знатных семей, талантливые маги, просто красивые люди. Они не общаются с такими как мы.

— Почему? — задаю я глупый вопрос, хотя прекрасно знаю ответ.

— Потому что мы портим им вид, — с горькой улыбкой отвечает Милли. — Особенно ты, Анабель. Ты же самая бра-

кованная ведьма в истории академии.

— Спасибо за поддержку, — бормочу я.

— Да ладно, не расстраивайся, — пытается подбодрить меня Себастьян. — У всех нас есть свои проблемы. У меня, например, заклинания работают только ночью. А у Эвелин каждое зелье взрывается.

— А у меня каждое заклинание превращается в катастрофу, — добавляет Милли. — На прошлой неделе я пыталась вызвать дождик для цветов, а затопила половину общежития.

Они смеются, и в их смехе есть что-то грустное, как у людей, которые научились шутить над собственными неудачами, чтобы не плакать.

— Минус десять калорий за смех, — сообщает Корнелиус. — Хотя в твоём случае это капля в море.

Завтрак заканчивается, и мы направляемся на первый урок. Коридоры полны студентов, и я чувствую себя как корабль, лавирующий между айсбергами. Каждый мой шаг — это стратегическая операция по избежанию столкновений.

— Базовая магия, — сообщает Милли. — Профессор Грималкинс. Он довольно добрый, но у него есть привычка использовать неудачников как наглядные пособия.

Класс базовой магии выглядит как смесь лаборатории и пыточной камеры. Столы расставлены полукругом, на каждом лежит волшебная палочка и несколько предметов для практики. Я сажусь в задний ряд, надеясь остаться незаме-

ченной, но когда ты размером с комод, незаметность — это миф.

Профессор Грималкинс оказывается худощавым мужчиной с козлиной бородкой и глазами, которые видят насквозь. Он входит в класс как фокусник на сцену — с театральным взмахом мантии и загадочной улыбкой.

— Сегодня мы изучаем воздушное плетение, — объявляет он. — Самое простое из магических искусств. Даже ребенок может поднять перо силой мысли.

Он демонстрирует технику, и перо на его столе грациозно взмывает в воздух, делает несколько элегантных пируэтов и мягко опускается обратно.

— А теперь попробуйте вы, — говорит профессор. — Начнем с мисс Лунариус. Анабель, покажите нам ваши успехи.

Все головы поворачиваются ко мне, и я чувствую, как сердце пытается выпрыгнуть через горло. В прошлой жизни я была звездой на любой сцене, а теперь боюсь даже встать с места.

— Я... э-м... — начинаю я, поднимаясь. Стул издает облегченный вздох.

— Ничего страшного, — подбадривает профессор. — Просто сосредоточьтесь на пере и представьте, как оно поднимается.

Я беру палочку — она кажется крошечной в моих пухлых пальцах — и направляю на перо. Закрываю глаза, пытаюсь

сосредоточиться, представить, как перо взлетает...

— Воздушное плетение! — произношу я, размахивая палочкой.

И тут происходит то, чего никто не ожидал. Вместо пера в воздух взмывает весь стол профессора. Вместе с профессором.

— АААА! — вопит Грималкинс, болтаясь под потолком вместе со своей мебелью.

Класс замирает в шоке, а я стою с палочкой в руке, не понимая, что произошло.

— Опустите меня! — кричит профессор сверху.

— Как? — в панике спрашиваю я.

— Скажите "отмена плетения"! — советует кто-то из студентов.

— Отмена плетения! — кричу я, размахивая палочкой еще активнее.

Стол с профессором начинает крутиться под потолком как карусель.

— НЕ МАШИТЕ ПАЛОЧКОЙ! — орет Грималкинс.

Я замираю, и стол медленно опускается. К сожалению, не туда, где стоял раньше, а прямо на парту в первом ряду, раздавив ее в лепешку.

Профессор скатывается со стола, встает на дрожащие ноги и смотрит на меня взглядом человека, который только что пережил авиакатастрофу.

— Мисс Лунариус, — говорит он, приводя в порядок ман-

тию, — вы... вы не могли бы объяснить, как вам удалось поднять объект весом в двести килограммов, когда задание было поднять перо весом в два грамма?

— Я не знаю, — честно отвечаю я. — Я просто подумала о пере, и...

— И подняли все остальное, — заканчивает профессор. — Это... это весьма необычно.

— В плохом смысле? — спрашиваю я с надеждой на хоть какое-то позитивное толкование.

— В катастрофическом, — отвечает Грималкинс. — Садитесь, мисс Лунариус. И больше не трогайте палочку.

Я сажусь, и весь класс продолжает смотреть на меня как на ходячую катастрофу. Что ж, по крайней мере, я не разочаровала их ожиданий.

— Плюс двести калорий за стресс, — шепчет Корнелиус. — И минус тысяча за самооценку.

Остаток урока проходит в относительном спокойствии, если не считать того, что каждые пять минут профессор нервно поглядывает в мою сторону, как будто ожидает новых катастроф.

После урока ко мне подходит Милли.

— Не расстраивайся, — говорит она. — В прошлом месяце ты превратила профессора Дарквуда в гигантскую морковь. По сравнению с этим сегодня был почти успех.

— Почти? — переспрашиваю я.

— Ну, никто не пострадал, — поясняет Себастьян. — А

профессор остался в человеческом виде. Для тебя это прогресс.

Мы выходим из класса, и я понимаю, что день только начинается. Впереди еще алхимия, где я, по словам Корнелиуса, традиционно взрываю котел, и история магии, где я засыпаю и храплю как трактор.

— Знаешь что, Анабель, — говорит Эвелин, поправляя очки, — может, тебе стоит попробовать другой подход к магии?

— Какой? — спрашиваю я.

— Не делать ее вообще, — предлагает она. — Для безопасности окружающих.

И знаете что? Это самый разумный совет, который я слышала с утра.

— Плюс пятьдесят калорий за разочарование, — комментирует Корнелиус.

— И сколько это уже за день? — интересуюсь я.

— Не хочешь знать, — отвечает кот. — Поверь мне, не хочешь.

Да, определенно не хочу. У меня есть ощущение, что сегодняшний день будет долгим. Очень долгим.

Глава 5

После урока базовой магии, где я превратила обычное занятие в цирковое представление с летающими столами, мы с моими новыми друзьями-неудачниками плелись по коридору как потрепанная армия после проигранной битвы. Милли утешала меня, Себастьян философствовал о природе магических катастроф, а Эвелин просто молчала, изредка поправляя свои очки-донышки.

— Не переживай, — говорила Милли в сотый раз. — У всех бывают неудачные дни.

— У меня бывают только неудачные дни, — возразила я, лавируя между толпой студентов как ледокол между айсбергами.

— Плюс тридцать калорий за пессимизм, — бодро сообщил Корнелиус с моего плеча. — И еще двадцать за тяжелые вздохи.

Я уже собиралась ответить коту что-то не очень вежливое, когда мы дошли до главной лестницы академии. И тут произошло то, что можно описать только как столкновение с кометой.

По лестнице вниз спускался парень. Но не просто парень — это было произведение искусства в человеческом облике, живая статуя греческого бога, случайно ожившая и ре-

шившая прогуляться по нашему несовершенному миру.

Волосы платинового блонда, идеально уложенные так, что казалось, будто каждый волосок знает свое предназначение и светится собственным светом. Глаза — боже мой, эти глаза! — бирюзовые, как тропический океан на рассвете, одновременно холодные и обжигающие. Скулы, которые могли бы резать стекло, и улыбка, от которой сердца разбиваются на тысячи осколков по всему континенту.

Он двигался как пантера — грациозно, уверенно, с той особой плавностью движений, которая дается только тем, кто никогда не сомневался в своем превосходстве. Мантия сидела на нем так, словно была сшита лично богами моды, а в руке он небрежно держал волшебную палочку, как будто это был не магический инструмент, а изящный аксессуар.

Вокруг него, как планеты вокруг солнца, вращались его друзья — тоже красивые, тоже идеальные, но рядом с ним они казались лишь бледными копиями шедевра.

— О нет, — простонала Милли. — Луциан Дрейвентор.

— Луциан? — переспросила я, и мое сердце вдруг забилось так, что я испугалась — не лопнет ли оно от перенапряжения.

— Самый красивый, самый богатый и самый недоступный парень в академии, — пояснил Себастьян тоном, каким обычно рассказывают о стихийных бедствиях. — Сын древнего магического рода, гений магии, и к тому же еще и невыносимо харизматичный.

— Звучит как сказочный принц, — пробормотала я, не отрывая взгляда от этого видения.

— Скорее как сказочный принц, который знает, что он сказочный принц, — поправила Эвелин. — И пользуется этим.

Но я уже ее не слушала. Потому что в этот момент произошло немыслимое — Луциан смотрел прямо на меня.

Нет, не смотрел. Он изучал меня своими невероятными глазами, как будто я была интересной загадкой, которую стоило разгадать. И этот взгляд... Господи, этот взгляд заставил мое толстое тело забыть о своих недостатках и вспомнить, что внутри все еще живет душа, способная на безумие.

Он шел прямо на меня. На меня! Толстушку Анабель! Мое сердце превратилось в бешеный барабан, отбивающий татуировку победы.

— Внимание, — прошептал Корнелиус, — сердцебиение зашкаливает. Плюс сто пятьдесят калорий за эмоциональное потрясение.

И тут случилось то, чего я меньше всего ожидала. Луциан споткнулся.

Да-да, этот греческий бог в человеческом обличье, эта живая статуя совершенства — споткнулся о собственные ноги и полетел прямо на меня.

Время замедлилось, как в фильмах про супергероев. Я видела каждую деталь его падения: как его волосы развеваются в воздухе, как расширяются его глаза от удивления, как его

рука тянется вперед в попытке сохранить равновесие.

А потом он врезался в меня.

Точнее, отскочил от меня, как мячик от стены.

Я устояла на ногах — при моих габаритах меня не так-то просто сбить с ног, — а вот Луциан полетел назад и приземлился на ступеньки с громким звуком, который эхом разнесся по всему коридору.

— Ой! — выдохнула я, протягивая ему руку. — Простите, я не хотела...

Он поднял на меня глаза, и я увидела в них удивление — в этих невероятных бирюзовых глазах, похожих на драгоценные камни. Не отвращение, не насмешку — именно удивление. Как будто он только что столкнулся с чем-то совершенно неожиданным.

— Все в порядке, — сказал он, принимая мою помощь и поднимаясь на ноги, а в его голосе послышались саркастичные нотки. — Хотя столкновение с... такой массой... это довольно неожиданный опыт.

И вот тут случилось второе чудо дня. Его рука коснулась моей.

Боже мой, что за руки! Длинные пальцы, идеальная кожа, и этот электрический разряд, который пробежал от кончиков моих пальцев прямо к сердцу. Я думала, такое бывает только в дешевых романах, но оказалось, что нет — это вполне реальное физическое явление.

— Спасибо, — сказал он, и его голос был как бархат, сме-

шанный с медом, но приправленный ядом. — За... эффективную помощь в торможении.

— Не за что, — пробормотала я, не в состоянии отпустить его руку.

Мы стояли так несколько секунд, и я чувствовала, как весь мир сужается до этой точки соприкосновения наших ладоней. Время остановилось, звуки стихли, и существовали только мы двое — красивый принц и толстая ведьма, соединенные этим невероятным мгновением.

— Луциан! — окрикнул его один из друзей. — Ты в порядке?

Заклинание разрушилось. Луциан отпустил мою руку и повернулся к своей свите.

— Да, все отлично, — ответил он, отряхивая мантию. — Просто не смотрел, куда иду.

— Надо быть осторожнее, — сказал светловолосый парень, который явно был заместителем бога в их маленькой олимпийской команде. — Особенно рядом с... э-м... препятствиями.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на дорожный конус — как на неодушевленное препятствие, которое мешает движению.

Щеки мои вспыхнули от стыда. Вот оно — возвращение в реальность. Я была не девушкой, которая помогла красивому парню, а препятствием, о которое он споткнулся.

— Плюс двести калорий за смущение, — прошептал Кор-

нелиус. — И еще сто за разбитые иллюзии.

Но Луциан не смеялся — он усмехался. Холодно, презрительно, как хищник, который играет с добычей. Он посмотрел на своего друга, потом на меня, и в его бирюзовых глазах мелькнуло что-то жестокое.

— Действительно, Кристофер, — сказал он своему другу, — нужно быть осторожнее. Особенно когда... габариты препятствий превышают ожидания.

Он улыбнулся — и эта улыбка была как лезвие ножа, обернутое в шелк. Красивая, завораживающая, но смертельно опасная.

— Не за что, — повторила я, и голос мой звучал как писк загнанной мыши.

— Надеюсь, мы больше не столкнемся, — добавил он с той же опасной улыбкой. — В буквальном смысле.

Луциан кивнул с насмешливой элегантностью и направился дальше по коридору, а я осталась стоять на лестнице, чувствуя себя так, словно меня только что красиво и болезненно унизили.

— Анабель? — позвала меня Милли. — Ты в порядке? Ты выглядишь странно.

— Как именно странно? — спросила я, не в силах отвести взгляд от удаляющейся фигуры Луциана.

— Как будто тебя ударило молнией, — пояснил Себастьян. — Или как будто ты увидела призрак.

— Хуже, — вздохнула Эвелин. — Она увидела Луциана

Дрейвентора вблизи. У половины девушек в академии после этого начинается хроническая депрессия.

— Почему? — не поняла я.

— Потому что после него все остальные парни кажутся серыми мышами, — объяснила Милли. — А девушки нашего... э-м... калибра даже не должны на него смотреть. Это как бедным людям разглядывать витрины ювелирных магазинов — красиво, но недоступно.

— И болезненно, — добавил Себастьян. — Очень болезненно.

Но я уже не слушала их предостережения. Потому что в моей голове, как заезженная пластинка, крутилась одна мысль: он заметил меня. Луциан Дрейвентор, самый красивый парень в академии, заметил толстушку Анабель. Пусть и для того, чтобы красиво унижить, но заметил.

— Он был жесток, — сказала я вслух, пытаюсь понять собственные чувства.

— Он всегда жесток, — согласилась Милли. — Особенно с теми, кто не входит в его круг. Но это не значит...

— Что он мог бы заинтересоваться мной, — закончила я за нее. — Даже для издевательств я недостаточно интересна.

— Плюс триста калорий за мечты, — прокомментировал Корнелиус. — Самые калорийные мысли из всех возможных.

Мы направились на следующий урок, но я шла как во сне. В голове крутились образы: его глаза, его улыбка, прикос-

новение его руки. Я знала, что это глупо. Знала, что такие парни, как Луциан, не замечают девушек, как я. Знала, что строить иллюзии — это прямой путь к разочарованию.

Но сердце — это такая штука, которая не слушается здравого смысла. Особенно когда встречает свою погибель в лице греческого бога с глазами цвета морской волны.

— Анабель, — окликнула меня Эвелин, когда мы дошли до класса алхимии. — Обещай мне одну вещь.

— Что? — спросила я, все еще витая в облаках.

— Не влюбляйся в Луциана, — серьезно сказала она. — Это будет только больно. Для таких, как мы, он недостижим как звезды на небе.

— Слишком поздно, — прошептала я, и сама испугалась правдивости этих слов.

— Что? — не расслышала Эвелин.

— Ничего, — быстро сказала я. — Пошли на урок.

Но когда мы вошли в класс алхимии, я все еще чувствовала на своих пальцах тепло его руки и жжение от его слов. И понимала, что произошло что-то непоправимое.

Я влюбилась. Безнадежно, безрассудно, катастрофически влюбилась в парня, который был не только недоступнее луны, но и жестоким как зимняя буря, с его платиновыми волосами и бирюзовыми глазами, которые теперь навсегда останутся в моей памяти.

— Минус тысяча калорий за потерю разума, — философски заметил Корнелиус. — И плюс миллион за обретение

мечты.

Да, мечты. Прекрасной, невозможной, разрушающей душу мечты.

Глава 6

После этой унижительной встречи на лестнице с Его Высочеством Ледяным Совершенством, Луцианом этим... Дрейвентором, кажется, так его звали, во мне закипела такая ярость, что позавидовал бы сам адский котел. Нет, не на него, конечно. На себя, любимую. Ну какая же я идиотка! Стоять, как оплывшая свеча, истуканом пялиться на этого ходячего манекена с лицом ангела и душой... ну, вы сами понимаете.

Естественно, остаток дня прошел как в тумане. Алхимия закончилась предсказуемым взрывом (кажется, я случайно добавила в котел слезу единорога вместо слюны саламандры, ну с кем не бывает?), а на истории магии я действительно проспала, умудрившись даже увидеть во сне, как Луциан падает с лестницы прямо в чан с кипящим зельем. Сны – они такие, предательские, показывают то, что ты в глубине души желаешь.

Вечером, сидя в своей убогой комнате и пытаясь запихнуть свою необъятную тушку в пижаму, которая явно была рассчитана на кого-то вдвое меньше, я чувствовала себя раздавленной. Как тот самый стол профессора Грималкинса после моего урока базовой магии.

— Плюс двести калорий за самобичевание, — как всегда

вовремя встрял Корнелиус, удобно устроившись на подоконнике и с видом знатока рассматривая мои попытки справиться с предательской пижамой. — И минус пятьсот за веру в сказки о прекрасных принцах.

— Заткнись, — буркнула я, наконец-то одержав победу над непокорной тканью. — Лучше скажи, как мне перестать думать об этом... этом... идеальном подонке.

— Боюсь, это за пределами моей компетенции, — философски заметил кот, принимаясь вылизывать свою черную лапу. — Я специалист по калориям и метаболизму, а не по разбитым сердцам и розовым соплям. Хотя, могу предложить тебе низкокалорийную диету из одних лишь воспоминаний. Говорят, помогает.

Его сарказм был, как всегда, "в тему". Но я действительно не могла выбросить из головы этот мимолетный взгляд Луциана. Это презрение, смешанное с каким-то холодным любопытством... Будто я была редким экспонатом в кунсткамере, на который он случайно наткнулся.

На следующее утро, продирая глаза и с ужасом осознавая, что мне снова предстоит втискивать свою тушку в эту проклятую форму ученицы Академии Темных Искусств, я решила, что с меня хватит. Хватит быть жалкой, неуклюжей неудачницей, над которой потешается вся школа. Если этот мир решил сыграть со мной злую шутку, засунув меня в это... это тело, то я еще покажу ему, кто здесь настоящая ведьма! Пусть и бракованная.

И вот, полная решимости и с Корнелиусом, как всегда, язвительно комментирующим каждый мой шаг, я направилась в элитное крыло Академии. Туда, где обычно обитали всякие зазнавшиеся аристократы и прочие "сливки общества", включая и нашего прекрасного принца Луциана Дрейвентора.

— Плюс тридцать калорий за нездоровый интерес к чужой жизни, — пробормотал кот, когда мы свернули в нужный коридор, отличавшийся от нашего убогого крыла позолоченными дверями и ароматом дорогих благовоний. — И минус сто за самоуверенность. Боюсь, тебя там никто с распростертыми объятиями не ждет.

— А мне и не нужны их объятия, — огрызнулась я, чувствуя, как внутри нарастает какое-то странное волнение. — Мне нужно кое-что другое.

Я знала, что это глупо, что это может закончиться еще большим унижением, но я просто не могла удержаться. Мне нужно было понять, что это было за выражение в глазах Луциана. Это презрение? Или что-то еще?

И вот, проходя мимо одной из роскошно обставленных гостиных, из-за полуоткрытой двери я услышала знакомый бархатный голос. Голос Луциана. Любопытство, это моя вечная погибель, заставило меня остановиться и прислушаться.

— ...да, жизнь здесь становится невыносимо скучной, — лениво протянул Луциан. — Никаких достойных развлечений. Все эти юные ведьмочки такие предсказуемые...

Раздался приглушенный смех. Кажется, он был не один.

— А как же новенькая? Эта... Толстопопкина? — спросил чей-то насмешливый голос. Я аж зубами скрипнула от этого прозвища. Ну ничего, я вам еще покажу свои "попки"!

— О, Анабель, — с отвращением протянул Луциан. — Не смешите меня. Это скорее ходячее недоразумение, чем развлечение. Она умудрилась поднять в воздух стол профессора на первом же уроке. Представляете? Какая-то неуклюжая толстуха с совершенно нулевым уровнем магии.

Мое сердце болезненно сжалось. Ну конечно, чего я ожидала? Он считал меня посмешищем. Как и все остальные.

— Ну, знаешь ли, в этом даже что-то есть, — задумчиво произнес еще один голос. — Такая... экзотика. Можно даже попробовать ее... соблазнить. Чисто ради развлечения.

Я замерла, как громом пораженная. Соблазнить меня? Этот надменный красавчик считает меня настолько ничтожной, что готов использовать меня просто как игрушку?

— Ты серьезно, Теодор? — с сомнением спросил Луциан. — Соблазнить эту... эту гору? Да это же смешно!

Раздался дружный хохот. Я чувствовала, как по щекам начинают катиться слезы обиды и ярости. Вот оно, настоящее отношение. Никакой жалости, никакого сочувствия. Только презрение и желание развлечься за мой счет.

— А почему бы и нет? — азартно произнес Теодор. — Спорим на тысячу золотых, что ты сможешь добиться ее благосклонности до весеннего бала? Два месяца — более чем до-

статочно, чтобы влюбить в себя даже такую... непримечательную особу.

Тысяча золотых! Они спорили на меня, как на какую-то вещь! Как на мешок картошки! Ярость во мне достигла точки кипения.

— Ты думаешь, это возможно? — с сомнением протянул Луциан. Но в его голосе уже звучал какой-то азарт. — Она же совершенно... не в моем вкусе.

— Именно в этом и вся соль, — усмехнулся Теодор. — Это будет настоящим испытанием твоего мастерства, Луциан. Докажи, что ты способен очаровать кого угодно. Даже самую бракованную ведьму Академии.

Наступила напряженная тишина. Я затаила дыхание, ожидая ответа Луциана.

— Ладно, — наконец произнес он с ленивой усмешкой. — Я принимаю твое пари, Теодор. Тысяча золотых — неплохая награда за столь... необычное развлечение. Но предупреждаю: если я выиграю, ты будешь месяц прислуживать мне на завтраках.

— Договорились! — воскликнул Теодор.

Раздались радостные возгласы и аплодисменты. Они заключили пари. На меня. На мои чувства. На мою жизнь.

Я стояла за дверью, чувствуя, как мир вокруг меня рушится на мелкие осколки. Вся эта его "случайная" встреча на лестнице, его "вежливое" обращение... Все это было ложью. Он просто играл. Играл со мной, как с какой-то жалкой ма-

рионеткой.

Боль пронзила меня, словно удар кинжала. Я никогда не была настолько унижена. Никогда не чувствовала себя такой ничтожной.

Слезы градом катились по моим щекам, но я не издала ни звука. Я просто стояла и слушала, как эти надменные богачи смеются над моей наивностью и моей болью.

В этот момент во мне что-то сломалось. Та маленькая, робкая надежда на то, что, может быть, в этом новом мире я смогу найти свое место, что, может быть, кто-то сможет увидеть во мне не только толстую неуклюжую ведьму... Эта надежда умерла.

Но вместе с ней родилось что-то другое. Что-то темное и холодное. Желание отомстить. Желание показать этим самодовольным ублюдкам, что они ошибаются. Что Анабель Лунариус – это не просто объект для пари. Что она способна на большее, чем они могут себе представить.

Я вытерла слезы, глубоко вдохнула и развернулась. Нет, я не буду устраивать истерику и врываться к ним с криками. Я поступлю умнее. Я сыграю по их правилам.

Если они хотят поиграть в соблазнение, то я с удовольствием приму их вызов. Пусть попробует, этот Луциан Дрейвентор, влюбить в себя такую "непривлекательную" особу, как я. Посмотрим, что у него получится.

Но он и представить себе не может, что на самом деле он заключил пари не с толстой ведьмой. Он заключил пари с

Ириной Васильевой. А Ирина Васильева всегда добивается своего. Чего бы ей это ни стоило.

И тысяча золотых — это, знаете ли, неплохая прибавка к моему будущему триумфу.

— Плюс пятьсот калорий за внезапно проснувшееся чувство собственного достоинства, — пробормотал Корнелиус, когда мы покинули элитное крыло. — И минус десять тысяч за опрометчивые решения. Боюсь, этот план закончится для тебя очень плохо.

— Посмотрим, — усмехнулась я, чувствуя, как внутри меня разгорается огонь. — Посмотрим, кто еще пожалеет об этом пари.

Весенний бал, говорите? У них есть два месяца? Что ж, это более чем достаточно времени, чтобы преподать Его Высочеству Ледяному Совершенству незабываемый урок. Урок, который он запомнит на всю свою надменную жизнь.

Глава 7

После моего... э-э-э... "феерического" урока магии, где профессор Грималкинс, кажется, всерьез задумался о смене профессии, а Луциан Дрейвентор бросал на меня взгляды, способные заморозить самую преисподнюю, я решила немного переждать бурю в тихом уголке. И библиотека Академии Темных Искусств показалась мне идеальным убежищем. Среди пыльных томов и шепота древних заклинаний можно было хоть ненадолго забыть о своем позорном полете на профессорском столе.

— Плюс двадцать калорий за попытку скрыться от реальности, — как всегда "вовремя" прокомментировал Корнелиус, уютно устроившись на высокой полке и с видом знатока изучая переплеты старинных книг. — И минус пятьсот за наивность. Боюсь, от судьбы, особенно такой... платиноволосой, не убежишь.

— Заткнись, философ, — буркнула я, усаживаясь за дальний стол и пытаясь сосредоточиться на древнем манускрипте о приворотных зельях. Хотя, признаться, мои мысли витали далеко от любовной магии. Я все еще переваривала высокомерие Луциана и лихорадочно придумывала новые способы испортить ему жизнь.

И вот, когда я уже почти начала разбираться в тонкостях использования слез девственницы (интересно, где их тут бе-

рут?), дверь библиотеки скрипнула, и внутрь вошел... ну конечно же, собственной персоной. Его Высочество Ледяное Совершенство.

"Вот уж неожиданность!" – подумала я с иронией, делая вид, что увлеченно изучаю пожелтевшие страницы. "Наверное, он снова потерялся в поисках своего отражения".

Луциан неспешно прошелся по залу, скользя взглядом по книжным полкам. Но я-то чувствовала, куда направлен его истинный интерес. Прямо на меня. "Ну давай, принц, начинай свой спектакль", – мысленно усмехнулась я, готовясь к очередной порции его язвительных замечаний.

И вот он "случайно" остановился возле моего стола.

— О, Лунариус? Какая... неожиданная встреча, — произнес он с таким тоном, будто мы столкнулись на светском балу, а не в тихой библиотеке, где я пыталась слиться с мебелью.

"Неожиданная? Да ты, наверное, всю Академию перевернул, чтобы меня найти", – подумала я, но вслух произнесла с притворной вежливостью:

— Ваше Высочество? Какая приятная неожиданность. Не знала, что вы интересуетесь... э-э-э... столь серьезной литературой.

Я не удержалась и бросила взгляд на название книги, которую он якобы рассматривал. "Магия Древних Рун и их Влияние на Урожай Репы". Весьма увлекательное чтиво для такого изысканного аристократа.

Луциан слегка скривился, но тут же изобразил на своем прекрасном лице задумчивость.

— На самом деле, я искал кое-что другое. Но увидев вас... подумал, может быть, вы сможете мне помочь.

"Ага, конечно. Помочь тебе еще больше опозориться?", – мысленно фыркнула я, но вслух сказала с притворной готовностью:

— Конечно, Ваше Высочество. Чем могу быть полезна? Мой... специфический опыт в области магии может оказаться неожиданно полезным.

Он сделал вид, что не заметил моей колкости. Или просто решил проигнорировать, что было в его стиле.

— Видите ли, у меня возникли некоторые... затруднения с одним заклинанием. Воздушным плетением, если быть точным. И я подумал... учитывая ваш... недавний, скажем так, впечатляющий опыт... может быть, вы могли бы поделиться своими наблюдениями.

"Моими наблюдениями? Мое наблюдение заключается в том, что воздушное плетение у меня получается только в том случае, если я случайно поднимаю в воздух что-то совершенно не то", – подумала я с сарказмом, но вслух произнесла с самым серьезным видом:

— О, воздушное плетение – это, можно сказать, моя визитная карточка! Я достигла в этом... весьма неординарных результатов. Расскажите, что именно у вас вызывает сложности?

Луциан на мгновение загнулся, явно не ожидая такого прямого ответа. Но тут же взял себя в руки и начал рассказывать о своих "трудностях". Он говорил о каких-то тонкостях, о контроле воздушных потоков, о правильном положении пальцев при взмахе палочкой... Слушая его, я невольно отметила, как изящны его руки, как уверенно он держит палочку. В его движениях действительно была какая-то природная грация.

— Понимаете, — закончил он с легкой досадой в голосе, — никак не могу добиться той идеальной легкости, которая так необходима в этом заклинании.

"Легкости? Да ты двигаешься как ожившая статуя, какая уж тут легкость", — мысленно хмыкнула я, но вслух сказала с притворной задумчивостью:

— Хм... это действительно интересный момент. Но, знаете, мне кажется, дело тут не только в технике. Может быть... вам не хватает правильного настроения?

Луциан удивленно вскинул свои идеально очерченные брови.

— Настрою? Что вы имеете в виду, Лунариус?

— Ну, — протянула я, делая вид, что глубокомысленно размышляю, — магия ведь — это не просто заученные слова и отработанные движения. Это еще и... энергия. Внутренняя сила. Может быть, вам стоит... представить себе что-то действительно легкое и воздушное? Ну, не знаю... как перышко... или... как ваше самолюбие после очередной удачной

шутки в чей-то адрес?

На этот раз в его глазах промелькнуло не раздражение, а что-то похожее на... удивление. Кажется, мой сарказм его даже слегка заинтриговал.

— Лунариус, вы всегда так... прямолинейны?

В его голосе не было презрения, лишь какое-то странное... любопытство.

— А разве есть смысл ходить вокруг да около, Ваше Высочество? Особенно когда речь идет о такой... воздушной материи, как магия.

Он вздохнул, но на этот раз в его вздохе не было демонстративного страдания. Скорее... легкое замешательство.

— Ладно, — сказал он наконец, слегка улыбнувшись. Впервые я увидела на его лице не надменную ухмылку, а что-то похожее на искреннюю улыбку. И, признаться, это зрелище было... неожиданно приятным. — Может быть, вы все-таки покажете мне, как вы это делаете? Хотя бы примерно.

"Показать? Ему? Да я скорее научу тролля вязать кружева", — подумала я, но вслух сказала с притворной готовностью:

— Конечно, Ваше Высочество. Для вас... я постараюсь.

Я встала из-за стола, чувствуя, как на нас устремляются любопытные взгляды немногочисленных посетителей библиотеки. Луциан скрестил руки на груди и с легкой усмешкой наблюдал за мной, явно ожидая очередного магического конфуза.

Я взяла свою палочку и сосредоточилась. Представила себе... нет, не его лицо, перемазанное чернилами. Представила себе... как бы это странно ни звучало... его глаза. Эти невероятные бирюзовые глаза, в которых, несмотря на всю его надменность, иногда проскальзывала какая-то... уязвимость?

Я взмахнула палочкой и произнесла заклинание. И...

В воздух взлетела книга. Обычная, ничем не примечательная книга с полки. Но она взлетела плавно, грациозно, именно так, как и требовалось для воздушного плетения.

В библиотеке воцарилась тишина. Луциан удивленно поднял брови.

— Вы... вы сделали это, Лунариус.

В его голосе не было насмешки, лишь чистое удивление.

— Иногда и у меня получается что-то правильно, Ваше Высочество, — с легкой улыбкой ответила я, чувствуя неожиданное удовлетворение.

Он подошел ближе и внимательно посмотрел на меня.

— Может быть... вы объясните мне, как вы это сделали?

Его взгляд был таким пронзительным, таким изучающим, что я на мгновение почувствовала легкое замешательство.

— Просто... представила себе что-то легкое, — пробормотала я, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Легкое? — переспросил он, и в его голосе снова промелькнула усмешка. — Неужели вы думали о... перышке?

— Может быть, — уклончиво ответила я, чувствуя, как

мои щеки предательски заливаются румянцем.

Луциан усмехнулся.

— Что ж, Лунариус, возможно, в вас есть что-то большее, чем кажется на первый взгляд.

Он кивнул с легкой загадочностью и направился к выходу из библиотеки, оставив меня стоять посреди зала, чувствуя странное волнение.

Что это было? Неужели Ледяной Принц действительно проявил ко мне... интерес? Пусть даже и мимолетный.

— Плюс пятьдесят калорий за неожиданный успех, — пробормотал Корнелиус. — И минус тысяча за то, что ты начинаешь вести себя подозрительно... романтично.

— Заткнись, кот, — прошептала я, чувствуя, как на губах играет легкая улыбка.

Что ж, операция "соблазнение" началась, и, кажется, не совсем так, как планировал Луциан Дрейвентор. Но, может быть, в этом и вся интрига? Ведь иногда самые неожиданные встречи приводят к самым неожиданным последствиям. И кто знает, может быть, даже между толстой ведьмой и ледяным принцем может вспыхнуть... искра?

Глава 8

После этого странного инцидента в библиотеке, когда кажется, что моя "бракованная" магия иногда выдает такие фортели, которые даже мне самой сложно объяснить, я выдохнула и посмотрела вслед Луциану.

— Плюс тридцать калорий за успешно испорченную вылазку аристократу, — прокомментировал Корнелиус, спрыгнув с полки и устроившись на моем плече. — И минус тысяча за то, что теперь этот аристократ наверняка мечтает о твоей тушке.

— Мечтать не вредно, — фыркнула я, направляясь к выходу из библиотеки. — Главное, чтобы его мечты так и остались мечтами.

Остаток дня прошел относительно спокойно. На занятиях профессор Грималкинс старался держаться от меня подальше, а я, в свою очередь, делала вид, что усердно изучаю конспекты. Хотя, признаться честно, мои мысли были заняты совсем другим. Я все еще переваривала эту странную встречу с Луцианом. Его удивление, его мимолетная улыбка... Что это было? Неужели он действительно начал проявлять ко мне какой-то интерес?

Вечером, сидя в своей комнате и пытаясь разобраться в своих противоречивых чувствах, я услышала стук в дверь.

— Кого там принесло в такую позднюю пору? — провор-

чала я, поднимаясь с кровати.

Открыв дверь, я замерла, как громом пораженная. На пороге стоял... Луциан Дрейвентор. И в руках он держал огромный букет алых роз. Алых, как кровь единорога, между прочим.

— Лунариус, — произнес он своим бархатным голосом, от которого у половины студенток Академии, я уверена, подкашивались ноги. — Я хотел... просто сделать тебе приятное.

"Приятное? Этот самовлюбленный нарцисс? Да он скорее признается в любви уличному троллю, чем сделает мне приятное", — подумала я с недоверием, но вслух произнесла с приподнятой бровью:

— Приятное, Ваше Высочество? За что же?

На его лице промелькнула тень раздражения, но он тут же снова натянул свою "обаятельную" улыбку.

— Просто так. За ваши красивые бирюзовые глаза. - (у меня бирюзовые глаза?) - И... я принес вам это.

Он протянул мне букет. Розы были действительно прекрасны, но от его фальшивой любезности меня чуть не стошнило.

— Благодарю, Ваше Высочество, — с притворной сладостью ответила я, принимая букет. — Очень мило с вашей стороны. Но, знаете ли, я не привыкла к таким... знакам внимания от особ вашего круга.

— Почему же? — с наигранным удивлением спросил он.

— Разве вы не заслуживаете цветов?

— Ну, обычно мне дарят разве что сочувственные взгляды и ехидные усмешки, — пожалала я плечами. — Так что ваш букет — это что-то новенькое.

Он вздохнул, всем своим видом показывая, как ему тяжело вести со мной этот "неловкий" разговор.

— Лунариус, я бы хотел, чтобы мы начали все с чистого листа. Понимаю, наше знакомство началось не самым лучшим образом...

"Не самым лучшим образом? Да ты меня унизил при всей Академии!" — мысленно воскликнула я, но вслух сказала с притворной задумчивостью:

— Чистый лист, говорите? Что ж, это интересно. И что же вы предлагаете на этом чистом листе написать, Ваше Высочество?

— Может быть... мы могли бы лучше узнать друг друга? — предложил он, и в его голосе промелькнула какая-то странная нотка. Искренность? Или мне показалось?

— Узнать друг друга? — переспросила я с сарказмом. — Боюсь, наше общение может оказаться довольно... познавательным для вас. Вы ведь привыкли общаться с небожителями, а я, как вы выразились, всего лишь "ходячее недоразумение".

— Неужели вы до сих пор обижаетесь на мои слова? — с притворной грустью спросил он. — Я был неправ. Вы вовсе не недоразумение. Вы... весьма неординарная личность.

"Неординарная? Спасибо, конечно, за комплимент, но я-то знаю, что ты думаешь на самом деле", – подумала я, но вслух сказала с деланным кокетством:

— Ох, Ваше Высочество, вы такой галантный! Не ожидала от вас таких комплиментов.

— Я могу быть очень галантным, когда захочу, — с загадочной улыбкой ответил он. — Особенно с такими... интересными девушками, как вы.

"Интересными? Он считает меня интересной? Неужели пари действительно зашло так далеко?", – подумала я с удивлением.

— Что ж, Ваше Высочество, ваш комплимент я принимаю, — сказала я, стараясь скрыть свое замешательство. — А что касается вашего предложения... узнать друг друга... это звучит... интригующе.

— Правда? — его глаза загорелись каким-то странным огоньком. — Тогда, может быть, мы могли бы... прогуляться завтра после занятий? Поговорить... в неформальной обстановке?

"Прогуляться? С ним? Да я скорее пойду на свидание с трехголовым троллем", – подумала я, но вслух сказала с притворной заинтересованностью:

— Прогуляться... это звучит неплохо. Куда же вы меня пригласите, Ваше Высочество? В свои роскошные апартаменты с видом на Запретный лес?

Он слегка покраснел.

— Нет-нет, что вы! Я имел в виду... просто прогуляться по парку Академии. Подышать свежим воздухом...

— Свежим воздухом? В Академии Темных Искусств? Вы уверены, что там есть такой? — с сомнением спросила я.

Он усмехнулся.

— Ну, относительно свежим. По крайней мере, там нет запаха серы и кипящих котлов.

— В этом вы правы, — согласилась я. — Что ж, Ваше Высочество, я подумаю над вашим предложением. А пока... спасибо за цветы. Они действительно... неожиданные.

— Буду ждать вашего ответа, Лунариус, — сказал он, и в его голосе прозвучала какая-то странная... надежда?

Он развернулся и ушел, оставив меня стоять на пороге с огромным букетом роз в руках и полным недоумения в голове.

— Плюс сто калорий за успешно принятые цветы от врага, — пробормотал Корнелиус. — И минус тысяча за то, что ты, кажется, начинаешь поддаваться его чарам.

— Не неси чушь, кот, — огрызнулась я, занося букет в комнату. — Я просто играю по его правилам. Он думает, что может меня очаровать? Посмотрим, что из этого выйдет.

Я поставила розы в вазу и уставилась на них. Они были действительно прекрасны. Но я знала, что за этой красотой скрывается фальшь и расчет. Луциан Дрейвентор не стал бы просто так извиняться и дарить мне цветы. За этим наверняка что-то кроется. Его пари.

И тут меня осенило. Прогулка. В парке. В неформальной обстановке. Он хочет меня очаровать. Влюбить в себя. Чтобы выиграть свое дурацкое пари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.